

КОЛИН ГУВЕР

**ДЕВЯТОЕ
НОЯБРЯ**

МОСКВА

Гербера — главный символ этой истории.

Флористы часто выбирают ее яркие соцветия в конце осени, чтобы добавить красок и тепла в холодные ноябрьские дни. На языке цветов гербера означает искренность, преданность и любовь, способную пройти испытание временем.

Герои романа обрывают невидимые лепестки судьбы, спрашивая себя: живы ли их чувства?
Суждено ли им быть вместе? Любит, не любит?

Хрупкий, но стойкий символ, который каждую осень дает один и тот же ответ:
«Любит».

КОЛИН ГУВЕР

**ДЕВЯТОЕ
НОЯБРЯ**

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Colleen Hoover

NOVEMBER 9

Copyright © 2015 by Colleen Hoover

Credit shall be given to Atria Books, an Imprint of Simon & Schuster, LLC,
as the original publisher

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Юлии Дымант

Cover design by Danielle Mazzella Di Bosco

В оформлении обложки использована фотография:

© vetre / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Kailash Roy 2019 / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Гувер, Колин.

Г93 Девятое ноября / Колин Гувер ; [перевод с английского
Ю. Дымант]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-248165-9

Фэллон была на пороге большой актерской карьеры — пока пожар не оставил на ее коже шрамы, а жизнь разделил на «до» и «после». Теперь она прячет лицо за волосами, скрывает тело под одеждой и собирается перебраться в Нью-Йорк, чтобы попытаться начать все заново и однажды выйти на сцену.

Девятое ноября — день прощального обеда с отцом, день отъезда, день, когда в ее жизнь врывается Бен.

Бен — начинающий писатель, который появляется в самый нужный момент, заставляет Фэллон снова почувствовать себя живой, красивой, желанной. И предлагает безумный эксперимент: встречаться раз в год, девятого ноября, в течение пяти лет. Без звонков, без переписок, без обязательств. Фэллон будет строить новую жизнь на Бродвее, а Бен — писать роман об их истории, которая началась как случайность.

Но можно ли превратить чувства в эксперимент — и не заплатить за это правдой?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-248165-9

© Дымант Ю., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

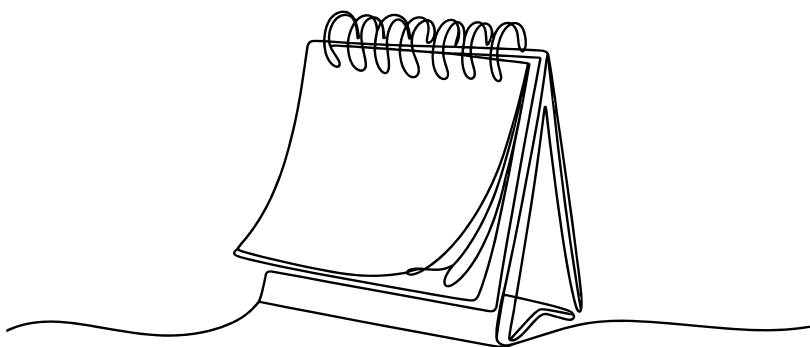
Леви.

*У тебя прекрасный музыкальный вкус,
и ты не умеешь обниматься.
Всегда оставайся собой.*

Девятое ноября.
Тог первый

Я прозрачен, как вода.
Блуждаю бесцельно.
Она якорь, тонущий в моем море.

БЕНТОН ДЖЕЙМС КЕССЛЕР

Фэллон

Интересно, какой получится звук, если запустить стаканом ему прямо в голову? Стекло толстое, башка у него крепкая — думаю, стукнет как следует. Наверное, еще и кровь потечет. Жаль, салфетки на столе тоненькие — много не впитают.

— Ну и вот... Честно говоря, даже сам немного в шоке.

Я молчу и только сильнее сжимаю стакан — надеюсь, мне хватит силы воли сдержаться.

— Фэллон? — Как бы осторожно отец ни подбирал слова, они все равно вонзаются в меня подобно кинжалам. — Скажешь что-нибудь?

Стучу трубочкой по кубику льда на дне стакана, представляя на месте этого кубика его голову.

— И что же мне сказать? — капризно бормочу я, словно мне не восемнадцать лет, а пять. — Поздравить тебя, что ли?

Откинувшись на спинку дивана, складываю руки на груди. Чем же вызвано раскаяние в его глазах: переживает, что расстроил меня, или, как обычно, отыгрывает роль? Пяти минут не прошло, а он уже актерствует, как на сцене, и мне приходится лицезреть этот спектакль.

Отец пристально на меня смотрит, барабани пальцами по краю чашки. *Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.* Видимо, ждет, пока я сдамся и скажу ему то, что он так жаждет услышать. Только вот последние пару лет он не очень-то рвался со мной общаться и потому даже не подозревает, как сильно я изменилась.

Заметив, что его уловка не сработала, отец со вздохом опирается локтями о стол.

— Думал, ты за меня порадуешься.

В немом изумлении трясую головой.

— Порадуюсь? Серьезно?

Пожав плечами, он самодовольно ухмыляется, чем еще сильнее меня бесит.

— Я и представить не мог, что когда-нибудь вновь стану отцом.

У меня вырывается издевательский смешок.

— Не сказать, что от тебя много усилий требовалось. Всего-то и надо, чтобы твоя молоденькая подружка ноги раздвинула, — с некоторой горечью отвечаю я, стирая этими словами улыбку с его лица.

Отец откидывается на спинку сиденья и слегка наклоняет голову набок. Фирменное движение! Он всегда использует его во время съемок, если не уверен, какие эмоции лучше подойдут. «Изобрази глубокую задумчивость, и сойдет практически за что угодно: ты грустишь, ушла в себя, терзаешься угрызениями совести, полна сочувствия — все, что хочешь». Неужели он забыл, что всю жизнь учил меня актерскому мастерству, и этот наклон головы я освоила одним из первых?

Девятое ноября

— Считаешь, я недостойн называться отцом? — Судя по голосу, мой выпад его задел. — Кто же я тогда, по-твоему?

Очевидно, вопрос риторический. Продолжая тыкать соломинкой, я аккуратно подцепляю кусочек льда со дна стакана и отправляю себе в рот. Жую нарочито громко, демонстрируя полнейшее безразличие. Не ждет ведь он, в самом деле, что я отвечу! Для меня он перестал быть отцом с той самой ночи, когда прервалась моя актерская карьера, — мне было всего шестнадцать. Честно говоря, не сказать, что и до этого он так уж хорошо справлялся с ролью родителя — скорее изображал из себя наставника.

Отец проводит рукой по едва пробившимся волоскам на лбу — недавно сделал дорогостоящую операцию по пересадке.

— Зачем ты так? — Похоже, его начинает раздражать мое поведение. — Все еще злишься, что не пришел к тебе на выпускной? Я уже объяснял: у меня был очень плотный график.

— Нет, — спокойно возражаю я. — Ты не пришел, потому что я тебя не пригласила.

Он чуть не подпрыгивает на месте — явно не ожидал такое услышать.

— Почему?

— Пригласительных было всего четыре.

— И что? Я ведь твой отец. Какого черта ты меня не позвала?

— Ты бы все равно не пришел.

— Откуда тебе знать!

— Ты же не пришел.

Он закатывает глаза:

— Конечно, я не пришел, Фэллон! Меня не пригласили!

Тяжело вздыхаю:

— Ты невыносим. Понимаю теперь, почему мама от тебя ушла.

Отец слегка качает головой:

— Твоя мать ушла, потому что я переспал с ее лучшей подругой. Мой характер тут ни при чем.

Просто слов нет: он ни капли не раскаивается! С одной стороны, зла на него не хватает, а с другой — даже завидно. Жаль, мне не передалось побольше от отца, чем от мамы: он-то и не подозревает, как много у него недостатков, в то время как я о своих думаю днем и ночью.

— Кто заказывал рыбу?

Лучше момента не придумаешь!

Машу рукой, и официант ставит передо мной тарелку. Аппетит отшибло напрочь, так что я принимаюсь уныло ковырять вилкой рис.

— Постойте...

Подняв глаза на официанта, вижу, что обращался он не ко мне: взгляд прикован к отцу.

— Вы тот самый...

Господи, только не это!

Официант хлопает ладонью по столу, и я вздрагиваю.

— Точно! Вы Донован О'Нил! Играли Макса Эпкотта!

Отец застенчиво пожимает плечами, но я-то знаю: чем-чем, а скромностью он не страдает. Хотя сериал про Макса Эпкотта уже лет десять как закончился, отец все равно считает его лучшим в истории, и эта уверенность

Девятое ноября

лишь подпитывается тем, что его до сих пор часто узнают. Можно подумать, люди никогда актеров вживую не видели! Мы вообще-то в Лос-Анджелесе — тут каждый второй в кино снимается!

По-прежнему ковыряюсь вилкой в тарелке, и тут официант просит сфотографировать его с отцом. Вздыхнув, с досадой выбираюсь из-за стола. Официант сует мне телефон, но я, подняв руки, обхожу его стороной.

— Мне в туалет надо, — удаляясь, бормочу я. — Лучше сделайте селфи — он такое любит.

Срочно нужна передышка! Не знаю, зачем я вообще решила встретиться с отцом именно сегодня. Может, потому что уезжаю, и неизвестно, когда мы теперь в следующий раз увидимся? Нет, это не стоит таких мучений!

В туалете захожу в первую кабинку и, закрывшись, кладу на унитаз бумажное сиденье. Читала как-то исследование о микробах в общественных уборных: люди обычно проходят подальше, так как уверены, что первой кабинкой пользуются чаще. Именно поэтому я всегда выбираю именно ее. Нет, гермофобия у меня не всю жизнь — на гигиене я слегка помешалась, когда в шестнадцать лет угодила на два месяца в больницу.

После туалета мою руки не меньше минуты, не сводя с них взгляда. Постепенно я совершенствуюсь в искусстве избегать собственное отражение, хотя все равно, потянувшись за полотенцем, краешком глаза вижу себя в зеркале. Каждый раз одно и то же — никак не привыкну к этому зрелищу.

Провожу рукой по шрамам, покрывающим всю левую половину лица. Они идут через губы к шее, скры-

ваясь за воротником рубашки. Под одеждой не видно, но в шрамах у меня и вся левая сторона тела до самой талии. Пробегаюсь пальцами по коже, которая теперь больше походит на сморщенную обивку кресла. Шрамы — постоянное напоминание о том пожаре. Это не ночной кошмар, это случилось на самом деле, и сколько бы я ни щипала себя за руку, проснуться не выйдет.

После пожара я несколько месяцев провела в бинтах и не могла прикоснуться к собственной коже. Теперь ожоги прошли, остались шрамы, и я постоянно их трогаю — не могу остановиться. На ощупь они как бархат. На вид же вызывают отвращение, и, казалось бы, трогать их должно быть так же неприятно, но мне, на удивление, нравится. Задумавшись, я частенько провожу пальцами по местам ожогов, тщательно прощупывая все неровности на коже, и, только опомнившись, отнимаю руку: эти шрамы сломали мне жизнь, и я, по идее, должна ненавидеть все, что с ними связано.

Другое дело — как они *выглядят*. Словно все мои недостатки выделили розовым маркером и выставили на всеобщее обозрение. Как бы я ни старалась спрятать их за волосами и одеждой, они никуда не денутся — останутся со мной навсегда постоянным напоминанием о той ночи, что уничтожила во мне все лучшее.

Я не из тех, кто циклитесь на важных датах, но утром первым делом подумала о том, какой сегодня день. Возможно, причина в том, что вчера перед сном эта мысль не давала мне покоя. Ровно два года назад дом отца сгорел, а сама я чуть не погибла. Может, именно поэтому мне и хотелось сегодня с ним встретиться: вдруг он